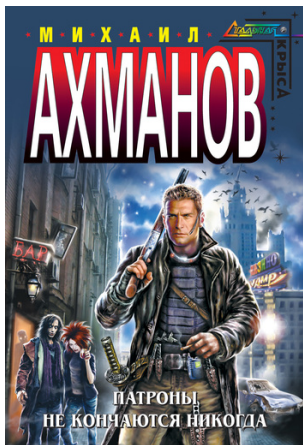

Михаил Ахманов
Куба, любовь моя
Серия «Забойщик», книга 2

*Текст предоставлен издательством «Эксмо»
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164176
Патроны не кончаются никогда: Эксмо; Москва; 2008
ISBN 978-5-699-27077-4*

Аннотация

Его зовут Петр Дойч. У него очень увлекательная работа, связанная с заграничными командировками и ночными дозорами. Его профессия называется жестко и точно – Забойщик. Он отслеживает и казнит убийц, насильников, сволочей и уродов всех мастей, решивших однажды, что им можно все. На том лишь основании, что они вампиры. И что их с каждым днем становится все больше и больше...

Содержание

Интернациональный долг	4
Склеп	11
Интермедия 1	20
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Михаил Сергеевич Ахманов

Куба, любовь моя

И молвил Сатана:

– Сотворю я чудовищ, и будут они терзать род людской из века в век, пить кровь мужчин, и женщин, и младенцев, не щадя никого, и будут они долговечны, безжалостны и сильны, неуязвимы, хитры и коварны – так, что не сможет бороться с ними ни один из сынов Адамовых.

В ответ на это Господь усмехнулся и заметил, что на всякую хитрую задницу найдется свой штопор.

Библия. Книга Притчей Соломоновых

Интернациональный долг

Самолет приземлился в аэропорту Гаваны ночью, в три двенадцать по местному времени. Это был спецрейс, и в просторном салоне лайнера кроме нас с Анной оказалось всего два десятка пассажиров, прилетевших на остров Свободы по делам бизнеса или, возможно, поохотиться на меч-рыбу и других чудовищ карибских морей. Рассосалась эта публика быстро – я и глазом не успел моргнуть, как последний из наших спутников исчез в проеме люка.

Анна спала, уютно устроившись в мягком кресле. Я взял ее на руки; шелковистые волосы щекотали мне ухо, шею обдувало теплое дыхание. Поцеловал ее в нос, потом – в висок, но моя жена и боевая подруга не проснулась. Тогда я направился к выходу, где нас с улыбкой поджидала стюардесса. Она глядела на меня и Анну так, как обычно смотрят на молодоженов: умиленно и с легкой завистью. Я кивнул ей и спустился по трапу на землю.

Воздух был влажным, густым и жарким – не верилось, что едва начался май и в Москве деревья только начинают зеленеть. По нашим северным меркам, здесь, на Кубе, стояло знойное лето. Звезды были огромными и яркими, пахло морем и нагретым камнем, асфальт под ногами хватал за подошвы башмаков. Невольно мне подумалось, что свою униформу я зря прихватил – в черном плаще тут не попрыгаешь.

У самолета нас встречали двое: невысокий коренастый мужчина с роскошными усами и молодой красавец-мулат.

– Полковник Алехандро Кортес, – представился усач на отменном русском языке. Затем кивнул на мулата: – Капитан Мигель Арруба, мой помощник и заместитель. Вы – компанейро Дойч?

– Петр Дойч, – подтвердил я.

Кортес окинул Анну внимательным взглядом. Усы у него зашевелились.

– Сеньорита – ваша секретарша?

– Сеньора – моя жена и помощница, – сухо ответил я. Капитан Арруба тоже пялился на Анну, но, за неимением усов, шевелил ушами – должно быть, это означало крайнюю степень возбуждения. Я их понимал, тут было на что посмотреть: юбка у Анны короткая, а топик и того уже.

– Жена... Буэно,¹ дон Педро! В машину, пожалуйста, – произнес полковник с едва заметным акцентом.

¹ Буэно – хорошо (исп.).

Мы направились к открытому джипу. Из самолета уже тащили наш багаж: сундук с моим снаряжением и три огромных чемодана с нарядами Анны. Арруба сел к рулю, я, с Анной на коленях, рядом с ним, а усатый полковник устроился сзади, стиснутый сундуком и чемоданами. Я слышал, как он кричит и ворочается, стараясь расположиться поудобнее.

Джип тронулся, но не к зданию аэровокзала, чьи огоньки светили на краю взлетно-посадочной полосы, а совсем в другую сторону. Кажется, никто не собирался проверять у нас паспорта, шлепать в них штампы и рыться в наших чемоданах, и я решил, что таможенный досмотр не входит в понятия кубинского гостеприимства. Оно и к лучшему, если вспомнить о содержимом моего сундука.

– Едем в отель? – поинтересовался я.

– Нет, дон Педро, к вертолету, – пропыхтел за спиной Кортес. – Вы устали? Хотите спать?

– Я Забойщик, для сна мне нужно три-четыре часа в сутки, и я уже выспался.

– Но сеньора ваша супруга...

– Дон Алекс... Могу я вас так называть?

– Да, разумеется, компанейро.

– Вы, дон Алекс, за нее не беспокойтесь. Она может спать даже стоя на голове.

Молчание. Затем полковник спросил:

– Это такая русская шутка? Понимаете, дон Педро, в былые годы я учился в Москве, в Академии высшего комсостава, и владею русским как родным. Но некоторые проявления вашего юмора...

– Это не шутка, это правда, – ответил я. – Моей жене двадцать два, а в молодости сон глубокий и крепкий.

Сказать по правде, судари мои, я покривил душой. Анна моя – бывший вампир; она из немногих созданий на нашей планете, излечившихся от вампиризма. Самым чудесным путем, должен заметить! Во время последнего визита в Лавку меня одарили пятью голубыми пилюльками; хватило одной, чтобы сделать Анну нормальным человеком. Но без осложнений не обошлось: теперь она спит так крепко, что пушкой не разбудишь, и ест больше прежнего. К счастью, это не отражается на ее фигуре.

Мы затормозили у вертолета. Это был старенький советский Ми-8, размазанный желто-зелеными полосками. Рядом с ним сустились крепкие парни в шлемах и камуфляже, грузили какие-то ящики и тюки. Мигель Арруба рывкнул на них, и три бойца, подхватив мой сундук и чемоданы Анны, потащили наше добро в кабину. Поднявшись следом, я устроился в кресле за спиной пилота. Анну я по-прежнему держал на руках; было так приятно ощущать тяжесть ее тела, вдыхать ее запах и чувствовать, как пряди волос скользят по моей щеке.

Полковник плюхнулся в соседнее кресло. Капитан Арруба и парни в камуфляже рассаживались за моей спиной. Повернувшись, я пересчитал их: ровно дюжина, все с «калашами» и гранатометами. Еще у них были длинные, слегка изогнутые клинки, которые в здешних краях зовутся мачете. Похоже, тертые ребята; кое у кого шрам на роже или пальца не хватает. Но, конечно, с вампирами они дела не имели.

Заметив, что я их разглядываю, Кортес сказал:

– Взвод личной гвардии команданте. Сопровождают нас в качестве боевой поддержки.

– Компанейрос ветеранос, – добавил Арруба.

Вертолет поднялся в воздух, сделал круг над взлетным полем и устремился на юго-восток. Огни Гаваны мелькнули под нами и скрылись в темноте. Прощай, теплое море! – сказал я себе. Прощайте, солнечные пляжи, уютные отели, рестораны, авениды с пальмами и танцы под луной! Прощайте, сиесты, карнавалы и стройные мулатки, пляшущие сальсу! Анна будет очень разочарована. Еще бы! Три чемодана нарядов! Кажется, даже палантин из норки прихватила... А зачем?..

Кстати, о мулатках. Лететь на Кубу я собирался в одиночестве, но Анна не пустила. Мы с ней три года состоим в счастливом браке, и вроде бы она уже привыкла, что работа есть работа и не стоит таскаться за мужем по пятам, ибо его занятие весьма опасно. Тем более что у нее свои дела, лекции, семинары, сессии, курсовые и прочее, и прочее, что положено студентке-филологу. Но с Кубой она уперлась, как дрель в стену. Стена – это я, вот и начали меня сверлить. Собираю я свой сундук, а моя ласточка подбоченилась, ножку выставила и говорит:

– Один не поедешь. Я тоже хочу за границу.

– Вернусь, в Париж наведаемся или в Лондон, – отвечаю.

А она:

– Что мне Лондон, что Париж! Моя специальность – испанская филология!

– Ну, давай в Испанию отправимся. В Мадрид, Толедо и Севилью. На пляжи в Коста-Браво. В Малагу съездим, в Гренаду, Кадис. Херес будем пить и танцевать до упаду.

– С тобой потанцуешь! Да и были мы в Испании уже два раза!

– Ну и что, солнышко, в третий раз поедем, – говорю, укладывая в сундук свой «шеффилд». – Испания не какая-то Франция или Швейцария, Испания – королевство! Монархию надо уважать, не так уж много их на земле осталось. К тому же в Кадисе и Гренаде мы не были. А из Кадиса сам Христофор Колумб...

Она как притопнет!

– Ты ничего не понимаешь, Петр! Я теперь в Латинскую Америку хочу! Пусть не в Бразилию, не в Аргентину, так хоть на Кубу! На Кубе тоже хорошо – пальмы, океан и пляжи с золотым песком... – Тут в глазах у нее появилось этакое мечтательное выражение. – Еще карнавалы, мулаты в белых штанах и мулатки-шоколадки... Ты мужчина видный, и одного я тебя к ним не отпущу!

– Вот как! Ревнуешь, значит! Однако, дорогая, на Кубе полный социализм. Мулаты, может, сохранились, а никаких мулаток-шоколадок нет.

– А куда они делись, дорогой?

– Ну, не знаю... трудятся, где велено... официантками, штукатурами, портнихами... в полиции служат... В общем, все при деле.

– Все равно не отпущу! – И тут она выкладывает последний аргумент: – А кто тебе переводить-то будет? Ты же на испанском два слова знаешь, и те – но пасаран!

В общем, уговорила она меня, уболтала и собрала три чемодана с туалетами. Семь купальников, вечерние платья, платья для коктейлей, шорты, топики, парео, слаксы, туфли, шляпы, босоножки... Ну, чем бы милая ни тешилась, лишь бы кровь из меня не пила! А ведь и такое случалось – правда, в начале нашего знакомства.

Вертолет стрекотал, двигаясь то над темной пальмовой рощицей, то над шоссе с редкими автомобилями, то над спящим городком. Гвардейцы дремали вполглаза, подтверждая мое мнение, что парни они опытные, знающие поговорку: солдат спит, служба идет. Разглядывая их, я решил, что кубинцы бывают трех сортов: белые, черные и шоколадные. Но отнюдь не шоколадки! Последнее относилось только к девушкам.

– Куда летим, дон Алекс? – спросил я, нарушив молчание.

– В Куманаягус, – сказал полковник. – Городок в предгорьях Сьерра-Гранде-Оковалко. Там военный аэродром. Дальше будем двигаться на джипах.

– Дальше – это куда?

– К месту событий. – Он вытащил карту и развернул на коленях. – Вот Куманаягус, а вот, в одиннадцати километрах от него, Каримба, еще одно поселение. Здесь и обнаружили склеп.

– Склеп?

– Старый захоронений, – подал голос капитан Арруба. На русском он говорил с сильным акцентом.

– Это мне понятно, – молвил я. – Хотелось бы взглянуть на склеп и окружающую территорию.

– Его нашел дон Луис Барьегга, профессор-археолог, четыре месяца назад нашел, – откликнулся Кортес. – Он сейчас в Каримбе, ищет... как это?... да, артефакты ранних времен испанского владычества, шестнадцатый век. Он покажет вам эту могилу. К счастью, Барьегга остался жив. Но уже через несколько дней появились первые жертвы.

Разумеется, появились, подумал я, кивнув головой.

– С этого места прошу подробнее, полковник. Что за жертвы? Где их нашли? В каком состоянии?

– В основном это были жители деревень в окрестностях Каримбы. Семь женщин и подростков и двое мужчин, у всех разорвано горло или следы зубов на шее. Мы думали... – Кортес умолк, будто смутившись.

– Мне интересны любые ваши гипотезы, дон Алекс, – сказал я. – В моем деле нет мелочей.

– Буэно! Конечно, вам виднее, дон Педро. – Полковник задумчиво подкрутил ус. – Те деревни лежат в горах, места там довольно пустынные... Мы подумали – возможно, одичавшая собака... не овчарка или ротвейлер, а скорее, мастино... Но у пастухов в тех краях обычные псы, мелкая порода, и раны не похожи – слишком, я бы сказал, аккуратные. Появилась другая гипотеза... хм-м... политического свойства. Происки американских империалистов, понимаете? Предположим, они хотят запугать население, дестабилизировать обстановку... засылают с Флориды ренегатов, а те...

– Лучше запугать народ в большом городе, – возразил я. – В той же Гаване, к примеру, а не в малонаселенных горах.

– Вот и мы пришли к такому мнению, – произнес полковник. – Обдумали... ээ... зрело и согласились, что шалят туко-туко... то есть колдуны – ну, знаете, культ вуду, кровавые оргии, зомби и все такое.

Я наморщил лоб и покосился на свою любимую жену. Но она спала сном младенца и не могла меня проконсультировать.

– Вуду... – пробормотал я. – Но это, кажется, не у вас, а на Гаити?

– На Гаити, так, – подтвердил за моей спиной капитан Арруба. – Но Гаити есть за пролив, всего восемь на десять километра от нас. Они к нам протекать... или просачиваться?

– Бывает, бывает, – заметил Кортес. – Просачиваются! Но на востоке, на побережье Гуантанамо, а не в области Лас-Вильяс, где лежит Каримба. Это центральная провинция, и сюда им не добраться. Мы их ловим и вешаем.

– Отличное решение вопроса, – согласился я. – Итак, эту гипотезу вы тоже отвергли... Дальше что?

– Дальше стали пропадать мужчины. Молодые, крепкие, здоровые... Мертвыми их не находили, зато количество других жертв резко возросло, а область бедствия стала гораздо обширнее. Вот, – полковник показал на карте, – от Каримбы до Трабахо-Ниньи, до Лас-Торнадос и даже до Сан-Кристобаль-дель-Апакундо.

– А под Апакундо... – начал капитан, но полковник бросил на него грозный взгляд, и Арруба заткнулся.

Что-то ребята недоговаривают, подумалось мне. Нахмурившись, я посмотрел на карту: вся Куба лежала предо мной. Только название, что остров, а так – страна немалая, хоть и поменьше Британии. Шутка ли, тысяча двести километров в длину! Ширина немного подкачала, но в отдельных местах будет сотня с гаком... Все тут есть: горы, города, болота,

джунгли, реки, равнины и холмы... Плюс шахты от наших ракет, а еще ром, табак и мулаты – правда, не в белых штанах, а в камуфляже.

Вот чего на Кубе не водилось, так это вампиров. Надо думать, были они здесь, но в очень небольшом числе – может, десяток первичных мелкого ранга и сотня-другая инициантов. Вампиры плодятся при демократии, а социализм, особенно в форме пролетарской диктатуры, их размножению не способствует. Чуть что, и к стенке, по первому подозрению! Это не я сказал, это мнение магистра, а шеф у нас мудрый и повидавший всякие виды. При тоталитарном режиме все под контролем, и всякая странность или особость – верный шанс очутиться у стенки. Или на лесоповале, в урановых шахтах, на плантациях сахарного тростника... Так что упырей на Кубе не было – во всяком случае, при власти команданте. А раз не было, то и не знали местные гвардейцы, как с ними совладать.

Зато у нас опыта хоть отбавляй! Век бы его не иметь, этот опыт поганый...

Сперва кубинцы к по-по обратились, то есть в полицию нравов. Насчитали им там за содействие, круто насчитали!.. Вы, говорят, и так должны России столько и еще пять раз по столько, а нынче времена у нас коммерческие и бесплатных завтраков не будет. Ни ром ваш нам не нужен, ни сахар, ни табак, так что все расчеты – в твердой валюте и, желательно, не переводом в банк, а прямо в генеральские карманы. Ну, магистр про это узнал и встретился с кубинским послом тет-а-тет. Встретился, потолковал, и вот мы с Анной здесь, летим над Кубой в Куманаягус, что в предгорьях Сьерра-Гранде-Оковалко... Магистр сказал: интернациональный долг! Он у нас твердых понятий мужик – не скажу, что прежних социалистических, а именно твердых. Впрочем, найдется и лучше определение – благородных... Или гордость в душе его шепчет?.. Если может Россия помочь, то и должна это сделать, не требуя ни денег, ни концессий, ни иного возмещения. Добро когда-нибудь зачтется!

– Значит, стали пропадать мужчины... молодые, крепкие, здоровые... – повторил я. – И, вероятно, кого-то из них вскоре заметили, застукали над телом жертвы и сообразили, чем он занимается. Ужаснулись, решили прикончить, да не тут-то было!

Капитан Арруба удивленно приподнял брови, полковник подергал свои роскошные усы.

– Си!² Так и случилось, дон Педро... А вы откуда знаете?

– Практика и опыт, – пояснил я. – Это стандартная ситуация: вампир-первичный насосался крови, в силу вошел и принялся плодить инициантов. Эти первичные – властолюбивые твари! Каждому банда своя нужна, свой клан, охранники, слуги, прислужники, и выбирает он народ покрепче и поздоровей... А эти ублюдки не собираются голодать, им тоже кровушка нужна. Рано или поздно кто-нибудь да попадется... Кто?

– Рабочий из местной каменоломни, парень лет двадцати, – промолвил Кортес. – Люди видели, как он сосет кровь из женщины. Здесь у многих есть винтовки... Начали стрелять, всего изрешетили, а он вскочил – и в горы, с десятком пуль во всех местах. Тогда сообразили, кто такой... – Полковник с горечью усмехнулся. – Не пули, а осиновый кол на них нужен! Только у нас осина не растет...

– Это предрассудки, – отозвался я. – Никакой осины, чеснока и прочей ерунды, дон Алекс. Стрелять разрывными в голову, чтобы мозги фонтаном! В тело бесполезно, регенерация у них бешеная. Плюс сила и скорость... Ближе их подпускать нельзя – в клочья порвут.

С минуту полковник с капитаном обдумывали сказанное, потом Арруба произнес:

– Я инструктировать людей, наш гвардиос мучачос.³ Разрывной пуль у них найдется.

– Калибр у вашего оружия мелковат, – сказал я. – Надежнее бить из подствольных гранатометов.

² Си – да (исп.).

³ Мучачос – парень (исп.).

– Примем к сведению.

Мы летели уже часа два, и над островом Свободы начал разгораться рассвет. В этих широтах день приходит стремительно: звезды поблекли и исчезли, над окоемом приподнялся краешек солнечного диска, и небо приняло цвет сияющей, незамутненной облаками бирюзы. Голубизна вверху, зелень внизу... Невысокие холмы, кроны деревьев, рощи, поля, бурная речка... Моря я не видел, море лежало в сорока километрах к югу и в восьмидесяти к северу от нашего курса. Впрочем, на востоке и западе тоже было море. Остров все-таки! Куда ни сунься – везде соленая вода.

– Подлетаем к Куманаягусу, – сказал Алехандро Кортес.

С высоты городок выглядел россыпью белых кубиков на речном берегу. Его окружали плантации сахарного тростника с уже заметными всходами, и в этом обширном зеленом пространстве торчали кое-где крыши больших сараев. Несмотря на ранний час, тут и там суетились крохотные человеческие фигурки, а над трубами домов вились дымки. К северу от города местность повышалась, и на горизонте маячили одетые зеленью горы.

Вертолет пошел на посадку, машину тряхнуло, и веки Анны приподнялись. Я люблю смотреть, как она просыпается – губы словно шлют воздушный поцелуй, а зрачки похожи на яркие золотистые агаты. Убедившись, что Кортес на нас не смотрит, я поцеловал ее за ушком и шепнул:

– Прилетели, ласточка.

Гул мотора смолк, откинулся люк, и гвардейцы стали выбираться из кабины. Анна зевнула и потянулась.

– Мы уже в Гаване, дорогой?

– Мы на Кубе, – дипломатично ответил я. – Может быть, слезешь с моих коленей? Ты их отсидела.

Анна приподнялась, осмотрела кабину и заметила:

– Ты уверен, что все в порядке? Мы как будто на другом самолете летели и совсем с другими людьми.

Гвардейцы принялись разгружать вертолет, потащили мешки и длинные ящики с грохочущим в них железом. Капитан Мигель Арруба распоряжался, полковник Алехандро Кортес, тоже покинувший кабину, махал кому-то руками – должно быть, водителям джипов, правившим к месту посадки. Аэродром был невелик; с одной стороны за ним начинался город, а с другой лежал пустырь, заросший кактусами – листья лопатой и все в колючках.

– Ты проспала пересадку, – сказал я Анне. – Пойдем. Нас ждут.

Я выбрался наружу и помог спуститься моей ласточке.

– А где Гавана? – спросила она, озираясь. – Где пляжи и отели? Где музеи и дворцы? Где пальмы, наконец?

– Пальм нет, зато есть кактусы. – Я махнул в сторону пустыря. – Устроит?

Едва мы оказались на земле, как работа замерла: все двенадцать гвардейцев и пять водителей подъехавших джипов стояли и с раскрытыми ртами – только слюна не капает! – и пялились на Анну. Капитан прикрикнул на своих подчиненных, потом Арруба и Кортес направились к нам и заслонили мою супругу от нескромных взоров.

– Позвольте представить синьору Анну Дойч, – сказал я. – Кстати, она говорит на испанском.

– Это хорошо, просто отлично, – заметил Кортес и подкрутил свои роскошные усы.

И сразу застрекотали три пулемета, да так, что в ушах у меня зазвенело. Испанский тем и отличается от русского, что говорить на нем можно быстро. Быстро, быстрее, еще быстрее! Рапидо, рапидо!⁴ При этом следует размахивать руками, улыбаться и кланяться,

⁴ Рапидо – быстро (исп.).

содрогаясь всем телом. Ждать, когда собеседник закончит фразу, нет никакой необходимости – все трещат одновременно и прекрасно понимают друг друга. Русский язык, могучий и плавный, как течение Волги, а испанский стремителен, словно бурный поток Гвадалквивира. И так же непонятен: все, что я уловил, сводилось к двум словам: белла донна. Кажется, полковник с капитаном восхищались внешностью моей супруги.

Порозовевшая Анна повернулась ко мне.

– Очень милые кабальерос! И дон Алехандро, и дон Мигель! Знаешь, они советуют мне переодеться. – Тут Анна подтянула вверх край своего топика. – Они говорят, что кубанос в провинции непривычны к мини-юбкам. Есть даже указ команданте, разрешающий носить их только в курортной зоне. А мы где сейчас?

– Мы там, где носят камуфляж и прочные башмаки, – сказал я. – Мы отправляемся в горы, а там – клянусь головой Дракулы! – полно змей и скорпионов.

– Так я переоденусь?

Анна дернулась к вертолету, но Кортес подхватил ее под локоток и галантно поцеловал ручку.

– Сеньора может не торопиться. Сейчас мы поедем в Каримбу, и сеньора сможет переодеться в отеле. Даже принять душ.

Анна благосклонно кивнула. Мы расселись по машинам и двинулись в путь.

Склеп

Каримба лежала на склоне горы, по обе стороны довольно бурного ручья. Городок был раз в десять поменьше Куманаягуса, не городок даже, а просто селение в предгорьях. Но все же в нем имелась главная площадь с пятью каменными строениями: церковью, полицейским участком, мэрией, почтой и таверной. Отель с пышным названием «Плаза Эспаньола» располагался над таверной и состоял из четырех номеров. Их было ровно столько, чтобы в самом лучшем, в душем и продавленной кровати «кингз сайз», поселились мы с Анной, а в двух других – полковник Кортес и капитан Арруба. Четвертый номер занимал дон Луис Барьега, археолог из Гаваны, с которым мне еще предстояло познакомиться. Дюжина наших гвардейцев разместились на почте и в полицейском участке.

Мы распаковали багаж и привели себя в порядок. Умылись, но душ принимать не стали, так как горячей воды не было. Я побрился, Анна натянула джинсы и скромную кофточку. Затем спустились вниз, завтракать. Вывеска над кабачком гласила «Паэлья» – и я решил, что это нежное женское имя. Но, по словам Анны, так называлось какое-то местное блюдо, то ли рис с овощами, то ли рис с треской, а может, с каракатицей. Я неприхотлив в еде, но вкусы у меня консервативные, и потому я выбрал яичницу. Анна зашебетала на испанском, и ей принесли тонкие лепешки, намазанные красным соусом, и что-то похожее на квашенные ананасы.

Еду подавала черноглазая сеньорина, не мулатка-шоколадка, а абсолютно белая, но с южным загаром. Вероятно, нравы в Каримбе были просты: всякий раз, притащив тарелку с едой или чашку кофе, сеньорина задерживалась минуты на три-четыре, чтобы поболтать с моей женой. Судя по жестам, темой беседы была длинная юбка черноглазой и ее сравнение с джинсами. Я молча поедал свою яичницу, испытывая приступ невыразимого счастья. Анна, ласточка моя, стала женщиной, настоящим человеком! А кем она была, лучше уж не вспоминать... Благословенна Лавка! Благословенны ее дары, волшебные пилюли!

Я получил флакончик с пятью голубыми горошинками. Одна для Анны, другая – для жены магистра, которая, если верить шефу, тоже нуждалась в чудесном лекарстве. Три пилюли у меня остались. Я берег их как зеницу ока и всегда носил с собой. Жизнь – удивительная вещь! Чтобы превратиться в упыря, не надо прилагать усилий, это свершается само собой с мерзавцами и негодяями и с теми, кого иницирует первичный – силой, обманом или по их собственному желанию. Но вот обратный процесс невозможен. То есть так полагают все авторитеты – от святого Юлиана до генетика Рихарда Шпеера. Даже в «Астральном кодексе» Лев Байкалов однозначно утверждает: переход необратим. Мы тоже так считали. Мы – это Гильдия Забойщиков, от магистра Михал Сергеича до последнего ученика. Кому знать, как не нам!

Бывают, однако, в мире чудеса, случается невероятное... Вот она, моя Аннушка – сидит, щебечет, смеется, ест свой квашеный ананас, кофею запивает! И только иногда, по ночам, в пылу страсти, я чувствую, как зубки ее впиваются мне в шею... Но зубки, не клыки!

К нам спустились капитан с полковником. С ними был высокий пожилой сеньор, тощий и прокаленный солнцем, длинноносый, с впалыми щеками и редкой шевелюрой – вылитый Дон Кихот, лишь бритвенного тазика на голове не хватает. В зубах пожилого была сигара в два пальца толщиной, и дым окутывал его, словно старика Хоттабыча, только-только вылезшего из кувшина. Очень колоритная персона! Хоть немолод, но глядит орлом!

– Профессор дон Луис Барьега, – представил его Кортес. – Археолог, сотрудник университета и Национального музея в Гаване. Сеньор Луис нашел тот самый склеп.

Мы обменялись рукопожатием, и трое мужчин присели к нашему столу. Барьега вытащил сигару изо рта и произнес гулким басом:

– Русским не владею, молодые люди. Как будем беседовать? На английском, французском, немецком или испанском? В запасе есть еще шведский, итальянский, латынь и греческий.

Он говорил на английском, и я с грехом пополам его понимал. Анна оторвалась от своих ананасов и затараторила со скорострельностью зенитного орудия. Ее устраивали все языки кроме греческого и шведского.

– Похвально, что сеньора в юных годах уже полиглот, – разулыбался Барьегга и посмотрел на меня. Взгляд у него был острым как бритва. – Вы, дон Педро, тоже историк или филолог?

– Нет. У меня другая специальность.

– Дон Педро – эксперт по вампирам, – поспешил добавить Кортес.

Археолог удивленно моргнул.

– Это в каком же плане, позвольте узнать?

– В сугубо практическом, – ответил я, чиркнув по горлу ребром ладони.

– Вот как... хм-м... – Дон Луис затянулся сигарой и выпустил клуб дыма. – И вы хотите, амиго,⁵ чтобы я проводил вас к захоронению?

– Не только проводили, но и рассказали обо всех своих находках. Самым подробным образом, – уточнил я. Общаться на английском мне было трудновато, но Анна подсказывала нужное, а то и вставляла два-три слова по-испански. Золотая у меня женушка! Не зря я взял ее с собой!

– Видите ли, дон Педро, – произнес Барьегга, – я больше в те места не хожу. Пастухи, крестьяне и охотники тоже избегают тех краев. Опасно, друг мой, опасно – и для меня опасно, и для вас, и для вашей прелестной супруги. Там, в окрестностях... хм-м... появились странные личности. Бандиты не бандиты, однако... Ну, раз вы эксперт, то лучше знаете, как их назвать.

– С нами будет отряд командос, – вмешался полковник Кортес. – Я лично гарантирую...

– Командос не нужны. – Я помотал головой. – Втроем пойдем: дон Луис, я и моя жена. Если хотите, дон Алекс, присоединяйтесь, но экспедиция наша должна быть немногочисленной. Те, кого мы ищем, осторожны, и я не хотел бы их спугнуть.

– Однако... – начал Кортес, но я похлопал его по плечу.

– Не беспокойтесь. С нами будет верный спутник, мой обрез.

– Обрез? – Лоб полковника пошел морщинами. – Не понимаю этого русского слова!

– Ружье с укороченным прикладом марки «шеффилд», – пояснила Анна. И добавила с милой улыбкой: – Под пули дум-дум. Слона на бегу остановит.

Брови у троих кубинцев полезли вверх. Потом Барьегга осведомился:

– Юная сеньора тоже из него стреляет?

– Нет, профессор. У меня есть ножик, вот такой, – Анна раздвинула ладошки на полметра. – Японская катана из отличной стали. Муж к свадьбе подарил.

– Дева Мария! Но зачем?! – вскричал полковник.

– Для защиты девичьей чести, – пояснила Анна и занялась своими ананасами.

С минуту царило молчание. Кабачок в этот ранний час пустовал, площадь тоже казалась безлюдной, лишь у здания полиции маячил часовой в защитной униформе. Черноглазая сеньорина принесла кофе, перебросилась парой слов с Анной и уселась в холодке у стойки бара, поглядывая на нашу компанию с нескрываемым любопытством. Столик, за которым мы сидели, и пара десятков других были вынесены из помещения на улицу, и только полосатый тент защищал нас от солнечных лучей. На площади вздымалась белесая пыль под

⁵ Амиго – друг (исп.).

налетавшим с гор ветерком, у церковной ограды торчали раскидистые деревья, окружавшие деревянный помост неясного назначения, рядом с мэрией выстроились шеренгой велосипеды – должно быть, транспорт местных чиновников. Жилые домики, обступившие площадь плотным кольцом, закрывали вид на плантации тростника и неширокую бурную речку, но на севере виднелись горы, чьи серо-коричневые каменные бока украшала яркая зелень. Горы мне активно не нравились. Мысленно я представлял камни и осыпи, лабиринт ущелий, тропинки, доступные лишь козам, и остальные прелести. Куча мест, чтобы укрыться, и все их за год не обыхцешь.

Дон Луис раздавил окурок в пепельнице.

– Решено, амигос, я отведу вас к склепу! Чего нам бояться, раз у юной сеньоры есть длинный ножик?.. – Археолог вытащил новую сигару, осмотрел ее, понюхал и сунул в нагрудный карман. – Сейчас и отправимся. Я только прихвачу кирку и кое-какие инструменты.

– Договорились. – Я допил кофе и встал. – Дон Алекс, вы с нами?

– Непременно. Пойду подгоню машину.

Кортес пошел за джипом, а мы с Анной поднялись к себе в номер, к трем чемоданам и сундуку. Я отложил черный плащ, решив, что лазить в нем по скалам жарковато, повесил на плечо перевязь с метательными ножами и «шеффилд» в кобуре. Катану и кинжал сунул за пояс. Второй клинок доброй японской работы прихватила Анна, вместе с сюрикенами и флягой со святой водицей. Она была настроена очень решительно и про пальмы с пляжами уже не вспоминала – у нее, как у бывшего вампира, очень развит охотничий инстинкт. Натянув крепкие башмаки, она вытащила из чемодана пару соломенных шляп, но я от своей отказался – широкие поля закрывали обзор.

Мы спустились в бар по скрипучей деревянной лестнице. У стойки капитан Арруба любезничал с черноглазкой – оба улыбались и стрекотали, как пара влюбленных сверчков. Завидев нас, капитан сделался серьезным, оглядел мое ружье, кивнул одобрительно и зашагал вслед за мной на улицу. Мы вышли на солнцепек, и взгляд Аррубы обратился к горному хребту.

– Там есть другой поселений, – многозначительно произнес он. – За Каримба – Дос-Пинтос, Сан-Опонча, Трабахо-Нинья, Лос-Никитос...

– Лос-Никитос?.. – повторила Анна и затараторила на испанском. Выслушав ответ, объяснила: – Он говорит, что Лос-Никитос назван в честь Никиты Сергеевича. Разве у нас был такой президент?

– Не президент, а генеральный секретарь, – сказал я. – Так что с этим Никитосом, капитан? Ракетные шахты остались или что-то в таком роде?

– Шахты нет, – покачал головой Арруба. – Я хотеть сказать: Лос-Никитос, Лас-Торнадос и дальше Сан-Кристоваль-дель-Апакундо. Там...

На площадь выехал джип с полковником, и Арруба мгновенно увял, не успев выдать мне какую-то государственную тайну.

Из «Паэлы» вышел дон Луис с огромным рюкзаком за плечами и с киркой в руках. В рюкзаке гроыхало что-то железное, а поверх него лежали свернутый плащ и ломик. Добавить сюда мушкет и шпагу, и наш археолог был бы вылитый конкистадор эпохи Карла I.

Мы расселись – Барьега рядом с полковником, мы с Анной – на заднем сиденье. Взревел двигатель, и джип, поднимая тучи пыли, резво выкатился с площади. Было девять двадцать утра, и солнце пекло уже так, что плавилась мозги. Но я, как все Забойщики, не слишком чувствителен к жаре и холоду – могу по углям босиком прогуляться или по арктическому снегу. Мы в некотором роде мутанты и отличаемся от нормальных людей. Сознать это не очень весело, но что поделаешь... Для упыря нормальный человек всего лишь пища, а нас они боятся – и недаром, судари мои!

Покинув городок, мы выехали на дорогу и запрыгали по ней из ямы в колдобину. Анна прижалась ко мне, зашептала в ухо:

– Росита говорит...

– Стоп, – промолвил я. – Кто такая Росита?

– Как кто? Она тебе яичницу и кофе подавала!

– А, черноглазка! Так о чем вы с ней толковали?

– О танцах. Она говорит, что вечером на площади гулянье – не карнавал, но вроде того.

Петарды пускают, из ружей палят, пьют, танцуют...

– Тоже хочешь пострелять и выпить? – спросил я.

– Хочу потанцевать!

– Так за чем дело стало?

– Юбка длинная нужна. Как у Роситы. В горошек или в мелкий цветочек.

– Купим. Хоть в крупный, – пообещал я.

Джип, взревывая, перебрался через мелкий ручей, проехал метров двести в гору и остановился. Скалы нависали над нами, словно башни готического собора. Небо было глубоким и синим, солнечный блеск слепил глаза. Я на мгновение сосредоточился, пытаюсь уловить ауру вампиров, но не обнаружил ровным счетом ничего. Пахло зеленью и нагретыми солнцем камнями, а от нашего джипа несло бензином.

– Дальше – крутой подъем, – сообщил дон Луис, выбираясь из машины. – Придется потрудиться, молодые люди. Дороги здесь нет.

С этими словами он сунул в зубы сигару, чиркнул зажигалкой и полез вверх, а мы – следом за ним. Шустрый старик, подумалось мне, – явно за шестьдесят, а прет как горный козлик да еще мешок тащит! Ну, археологи народ особый, чернорабочие исторической науки, ходить, копать и перетаскивать тяжести им привычно. Не в кабинетах штаны протирают, а весь день на свежем воздухе. Хотя воздух был относительно свежим – наш проводник дымил как пароход.

Мы поднялись по крутизне метров триста и перевалили за скальный гребень. За ним простирался довольно широкий уступ, в дальнем конце упирившийся в отвесные горные склоны, – пустынная местность, поросшая кактусами, хилыми пальмами и тощим кустарником с алыми цветами. Тут и там валялись каменные глыбы, то в гордом одиночестве, то образуя длинные гряды и целые холмы. Я чувствовал себя в этом краю неуютно. Мои клиенты – не любители природы, так что работа моя протекает большей частью в помещениях, а выход в поле, вроде битвы на Кунцевской свалке, редкое исключение. Опять же свалка есть технологический продукт, а не природный, и нет на ее территории таких живописных глыбин, колючих кактусов и множества щелей, очень подходящих для засады. Однако вампирами не пахло, и я успокоился.

– Плоскогорье Пунча, – сказал дон Луис. – В старину здесь паслись дикие свиньи. Свиней давно перебили, остались змеи да ящерицы. – Выпустив в небо дымное колечко, он ткнул вперед рукоятью кирки. – Нам туда, амигос. И поглядывайте по сторонам! Здесь нашли четыре трупа – два на плоскогорье и два у скал, где мы оставили машину.

Полковник вытащил пистолет и передернул затвор. У него была «беретта» с магазином на пятнадцать патронов – хорошее оружие, но калибр маловат. К тому же я знал, что, несмотря на мои советы, он будет стрелять не в голову, а в ноги и грудь – такой уж рефлекс у военных. В случае схватки с упырями Анна со своим клинком была полезнее Кортеса – она, по крайней мере, знала, как бить и куда.

Мы пересекли плато, пробираясь между камнями, кустами и кактусами – на их плоских зеленых лапах размером со сковороду торчали устрашающие колючки. За этой живой изгородью, у самой скалы, неясной тенью обозначились руины: две каменные стенки, сходящиеся под прямым углом, часть кровли, остаток узкого окна и фундамент из скреплен-

ных почерневшей известью глыб. Строение было небольшим, восемь шагов в длину и шесть в ширину. Камни в стенах почти не отесаны – вероятно, их подобрали тут же на плоскогорье и пустили в дело. В одну из стен вставлен обломок, отшлифованный более тщательно, и на нем выбит крест – только крест, без всяких надписей.

Внутри периметра растительности не оказалось, а камни из рухнувших стен были сложены рядом с фундаментом.

– Я тут немного расчистил, – пояснил дон Луис, снимая с плеч рюкзак. – Собирался нанять рабочих, заложить раскопы, но не получилось. Он не позволил.

– Он? – Я окинул взглядом древние развалины.

– Да. – Археолог подвел нас к камню с выбитым крестом. – Он лежал здесь.

В том, как было сказано это «он», ощущалась целая гамма переживаний: грусть, сожаление, неутоленная жажда исследователя и, несомненно, мистический ужас. Дон Луис Барьега боялся! Что же могло его напугать?..

У моих ног темнела могильная плита с грубо обитыми краями. Ее поверхность тоже была отшлифована, и на ней высекли крест, такой же, как на вделанном в стену камне. Ни имени, ни дат рождения и смерти, ничего... Анна присела, коснулась плиты ладонью, словно желая нащупать невидимые письмена. Потом подняла глаза на археолога.

– Кем он был, дон Луис?

Барьега пожал плечами.

– О том, милая сеньора, известно лишь Господу. Если бы я мог изучить его одежду, доспехи, оружие... или хотя бы сфотографировать... Но аппарата с собой у меня не оказалось. Я, собственно, не рассчитывал что-то здесь найти, был, как говорится, в слепом поиске, ловил удачу... А что поймал, сам не знаю!

Он раздраженно пыхнул сигарой, сунул мне кирку и взялся за ломик.

– Помогите мне, дон Педро. Отвалим этот надгробный камень.

Мы сдвинули плиту. Под ней открылась узкая щель глубиной в рост человека, вырубленная в каменистой земле. Ее стены еще сохранили следы орудий, зубила или той же кирки, и казались прочными – ни земля, ни камешки не осыпались. На дне чернели древесные остатки, в которых я безошибочно распознал гроб. Скорее всего дубовый, скрепленный проржавевшим железом.

Анна и полковник, склонившись над яминой и энергично жестикулируя, затараторили на испанском. Барьега вытащил из рюкзака фотоаппарат, пластиковые контейнеры, кисти, набор лопаток и скребков. Затем он принялся снимать – стены, остатки крыши, камни с крестами, разверстую могилу, полуистлевший гроб... Кажется, он не надеялся попасть сюда еще раз и решил воспользоваться случаем.

– Что это значит, дон Луис? – спросил я на своем пиджин-инглише. – Что это за строение? Церковь?

– Часовня, возведенная над прахом умершего, – пояснил археолог. – Судя по способу кладки и некоторым другим деталям, примерно шестнадцатый век или начало семнадцатого. Только праха в ней не оказалось. Представляете, друг мой, четыреста лет прошло, а вместо праха – мумия! Ну усох слегка мертвец, а так будто вчера похоронили. Это в нашем-то тропическом климате!

– Меня интересуют детали. Как он выглядел? Во что был одет? В каких годах преставился?

– Мужчина лет шестидесяти, крепкого телосложения, смуглый, бородатый, в камзоле, штанах и сапогах. Несомненно, испанец, конкистадор, но не из простых! При нем были шпага, перевязь, золотые украшения... Одежда богатая, подобающая гранду. Ткань и кожа, разумеется, истлели, клинок проржавел, но у покойника – ни следа разложения... Я бы даже сказал, что возрастные изменения были не так уж заметны. Чудеса!

– Что случилось дальше?

– Я был потрясен! Задвинул плиту на место и помчался в Каримбу за инструментами и фотоаппаратом. Уже темнело, так что я прибыл к часовне со всем снаряжением на следующий день. Представьте, могила была пуста! И знаете, дон Педро... – Археолог оглянулся на Анну и Кортеса и понизил голос: – Знаете, сеньор, я не так уж религиозен... Но когда я стоял здесь и всматривался в эту пустоту, глядел на сгнившие останки гроба и задавался вопросом, где же умерший... – Он передернул плечами. – ...я вдруг ощутил, как могильный холод охватывает меня... Это было ужасно! Я понял, что мне грозит опасность, что я не должен находиться здесь... Жуткое, гнетущее чувство! И я сбежал, дон Педро, я сбежал! Я, Луис Родриго Фернандо Барьегга, вскрывший столько могил, что их хватит на целое кладбище!

– Ваше счастье, что сбежали, – буркнул я. – Благодарите свою интуицию.

Опустив аппарат, археолог уставился на меня.

– Вы в самом деле полагаете, что он...

– Существование вампиров давно уже не страшная сказка, – ответил я. – Хотя готов признать, что случай необычный. Обычно они не спят в гробах по четыреста лет, а живут и кормятся, причем весьма активно. Есть гипотезы, кто он такой?

– Десятки гипотез, – с кривой усмешкой произнес дон Луис. – Здесь, на Кубе и на Гаити, звавшейся в старину Эспаньолой, и на материке от Калифорнии до Чили было столько испанцев из знатных семей, столько проходимцев, авантюристов и военачальников, что список занял бы не одну страницу. Суровые люди, должен признаться, жестокие и без всяких моральных принципов. Чуть запахнет золотом, и кровь рекой польется... убийство на убийстве, предательство на предательстве...

– Подходящий материал для упырей, – пробормотал я и покинул развалины часовни. Дон Луис, орудуя скребками и лопатками, брал пробы дерева, земли, камней, Анна с полковником ему помогали, а я, укрывшись в тени, обдумывал ситуацию. Древний склеп и пустая могила не пугали меня – трудно испугать того, кто знает Великую Тайну вампиров, кто бьется с ними много лет и даже – прости, моя любимая! – кое-кого поил своей кровью. Так что неприятных ощущений, спасительных для дон Луиса, я не испытывал, но, говоря по правде, был изрядно удивлен. Вампирам случается впасть в состояние, похожее на летаргический сон, – но чтобы на четыре с лишним века!.. Странный случай! Те древние монстры, что познакомились с моим клинком или с пулей «шеффилда», прожили сотни лет – возможно, иногда впадая в спячку, но уж никак не на столетия. Я перебирал в памяти их имена: Малюта Скуратов, он же Пашка-Живодер... Цезарь Борджа, герцог Валентино... мамзель Вивьен Дюпле, любовница Дракулы... графиня Эльжбета Батори, открывшая мне Тайну и потому еще живая... Были и другие чудища, до которых мы еще не добрались, и за каждым тянулся сквозь время кровавый след, прерывавшийся не больше чем на годы или пару десятилетий. Да и то лишь потому, что мы не знали, где и под какими именами злодействовал древний упырь триста или двести лет назад.

Уникальный случай, подумал я. Вернусь, заставлю Влада, моего партнера, покопаться в библиотеках и архивах – вдруг найдет какие-то аналогии.

Археолог рассовал инструмент и контейнеры с образцами по карманам рюкзака.

– Я закончил, амигос. Хотите осмотреть окрестности, дон Педро?

– Нет, – ответил я. – Здесь мы не найдем ни нашего ожившего покойника, ни обращенных им людей.

– Вы уверены? – спросил полковник.

– Да. Я не ощущаю их присутствия. Можем возвращаться.

Был полдень, и солнце палило неимоверно. Обливаясь потом, мы снова пересекли плато и начали спускаться вниз по крутому обрывистому склону. Полковник Кортес шел впереди, галантно предлагая руку Анне в самых опасных местах, за ними, попыхивая сига-

рой, двигался Барьегу с киркой и рюкзаком. Я выбрал путь немного в стороне, так, чтобы видеть всех своих спутников и чтобы они не закрывали сектор обстрела. Хотя я не чувствовал упырьих эманаций, но был начеку. Куба, судари мои, не Москва! Если разобраться, другое полушарие планеты, края заокеанские, климат другой, другие люди, так что, возможно, есть и в вампирах отличие. Скажем, кубинские вампиры – самые хитрые в мире... Сидит ублюдок где-нибудь в щели, совсем не пахнет и вдруг как выскочит!

Я заметил, что «беретта» Кортеса уже в кобуре, а кобура застегнута. Непростительное легкомыслие! Полковник, кажется, считал, что ежели дорога крутовата и требует усилий для преодоления, то и вампирам здесь придется нелегко. Иными словами, не нападут они вдруг – по крутому склону не попрыгаешь, тут смотреть надо, куда поставить ногу, и соображать, за что уцепиться рукой. Большая ошибка! Для упырей эта скала была что зал для танцев. Твари они ловкие, и людям с ними не тягаться – я имею в виду обычных людей.

Спускаясь, я поглядывал то на своих спутников, то на джип, маячивший внизу среди примятой травы. Это был мощный военный внедорожник на высокой подвеске, довольно новый – американская машина, бог знает как попавшая на Кубу. Кортес оставил ее на открытом месте, и ничего подозрительного вокруг не замечалось, ни шевеления в кустах, ни следов на траве. Но я неважный следопыт, и к тому же расстояние было слишком велико.

Поглядывая туда и сюда, я размышлял о находке Луиса Барьегу, об испанском воине из склепа. Знатный гранд, мужчина в возрасте... Он мог быть кем угодно, предводителем отряда конкистадоров, капитаном корабля, сражавшимся с пиратами или перевозившим ценности, владельцем поместья на Кубе или даже губернатором острова. Странно, что такого человека схоронили не рядом с церковью, в освященной земле, а закопали в дикой местности, где бродят свиньи... Наверное, была тому причина! Наш покойник мог оказаться столь звероватой персоной, что даже в ту эпоху насилия и жестокости выделялся среди соплеменников. Это кое-что объясняло – по теории Байкалова как раз такие выродки и превращались в первичных вампиров.

Внезапно я уловил знакомую ментальную эманацию. Тянуло не с плато и не от камней на склоне, а снизу, оттуда, где стоял наш джип. Запах крепчал с каждым шагом, и я уже не сомневался, что у машины нас поджидают, но не в кустах – спрятаться там было негде. Анна, Кортес и дон Луис спускались, оживленно размахивая руками и что-то обсуждая на испанском; Анна смеялась, полковник крутил усы, старый археолог дымил сигарой. Они ничего не заметили. Ну, на то я и Забойщик, чтобы первым чують неприятности.

Вытащив обрез, я ускорил шаги и обогнал своих спутников. Смех Анны за спиной тут же смолк; сообразила моя ласточка, что дело пахнет керосином. «Шеффилд» лежал в моих руках, точно смертоносный груз. Я ощущал холод приклада и ствола – мое чудесное оружие не нагревалось на солнце и словно бы успокаивало меня, напоминало, что мы с ним единое целое. Это чувство было ясным и острым. Пот на висках внезапно высох, биение пульса замедлилось, солнце выпустило меня из жарких объятий. Зной, пыль, непривычный пейзаж, запахи чужой земли – все это не имело значения; сейчас я был готовым к схватке воином. Ловцом божьим, как назвал меня когда-то архимандрит Кирилл.

Ноги сами несли меня к джипу. Среди травы и редких кустов не спрячешься, мелькнула мысль; значит, затаились под машиной... Тварь была не одна – запах слишком силен. Сколько их?... Двое, трое?... Не больше трех, решил я; четверым под джином не укрыться.

Кажется, нас считали легкой добычей: старик и девушка не в счет, а у мужчин оружие несерьезное, не автоматы и базуки, а пистолет и допотопного вида обрез. Зато кровушки – двадцать с лишним литров! Большое искушение. Особенно для вторичных, ставших упырями пару месяцев назад.

Я притормозил шагах в пяти от джипа и сказал:

– Вылезайте, сучьи дети. Кушать подано.

Конечно, они меня не поняли, но тон был важнее слов. Этим горячим кубинским упырям я предлагал поединок. Ружье и клинок против клыков, дьявольской ловкости и жажды крови.

Дальнейшее заняло секунды. Три – все-таки три! – полунагих ублюдка выкатились из-под машины. Быстрые, но все же не состязаться им в скорости с Малютой, приговоренным мною на Рублевке. В сравнении с этими вторичными Малюта был орел! Древняя тварь, хищная и смертельно опасная... Таких, как он, в мире десяток или два, и устаканить любого – изрядный подвиг для Забойщика.

П-пах! – прошептал мой «шеффилд», и упырь, не успев подняться, рухнул у колеса с разбитым черепом. Второго я снял в прыжке, всадив ему пулю точно между глаз. Третий собирался навалиться на меня, рвануть за горло, но не тут-то было: я приласкал его прикладом в лоб, потом отступил и снес башку катаной. Иницианты, судари мои, и к тому же без большого опыта.

Мои спутники сошли вниз. Анна была спокойна и свежа, как майская роза, но на лицах мужчин читалось потрясение. Дон Луис нервно жевал окурочек сигары, полковник шарил рукой у пояса – должно быть, пытался достать пистолет. Его роскошные усы висели, словно две мочалки.

– Мучас грасиас...⁶ – наконец выдавил Кортес. – Как вы их!.. Я кобуру не успел расстегнуть! Вы, дон Педро, вы...

– ...профессионал, – положил я конец его восторгам. Затем наклонился над убитыми, раздвинул им челюсти кинжалом и осмотрел клыки. – Больших клыков еще не отрастили, дон Алекс. Все вторичные, иницианты.

– Что это значит, компанейро?

– После объясню. Вы узнаете кого-нибудь? Хотя бы этого? – Я ткнул клинком в отрубленную голову.

Полковник пожал плечами, но тут вмешался дон Луис – выплюнул свою сигару, вытер лоб платком и произнес:

– Тот, кого вы, дон Педро, изволили обезглавить, – Пабло Неро из Каримбы, почтовый служащий. Развозил по окрестностям письма и газеты на велосипеде, исчез три месяца назад. Еще одного тоже могу опознать, татуировка у него заметная. – Он показал на труп с изображением Фиделя на предплечье. Команданте был как живой, в бороде и берете, с решительным выражением лица. – Это Алонсо Куэва, пастух из Опончи. Ему лет сорок, и когда-то он служил в армии. Большой фантазер! После третьей кружки любил рассказывать, как сражался с контрабандистами в заливе Кочинос.⁷

– Вы уверены? – с сомнением спросил Кортес.

Барьега гордо вскинул голову.

– Я, полковник, тридцать два года езжу в эти края! Я тут каждый камень знаю – от Куманаягуса до Санкти-Спиритус! Каждый камень и каждого человека! Только безголовых, – он бросил взгляд на третий труп, – опознать не могу!

– Ладно, – пробормотал полковник. – Пришлю людей, чтобы забрали трупы.

Говорили они на испанском, и речи Барьеги и Кортеса перевела мне Анна. Мы забрались в машину, и полковник развернул джип на залитой кровью траве. Я сел рядом с ним и всю обратную дорогу объяснял разницу между первичными и вторичными вампирами и пересказывал гипотезы Байкалова и других специалистов. С литературой об упырях на Кубе было напряженно – если Кортес что и читал, так только откровения святого Юлиана. Ввиду

⁶ Мучас грасиас – большое спасибо (исп.)

⁷ Высадка кубинских контрреволюционеров в заливе Кочинос, поддержанная американцами, произошла в апреле 1961 г., когда Алонсо Куэвы еще и в проекте не было.

отсутствия вампиров тут занимались классовой борьбой и разоблачением коварных планов американского империализма.

Так, беседуя о полезном и приятном, мы добрались до Каримбы, до городской площади и кабачка «Паэлья», у дверей которого нас встретил капитан. Я, кажется, упоминал, что он мулат?.. У всех темнокожих, у негров и мулатов, бледность проявляется специфически – кожа не бледнеет, а сереет. Так вот, Мигель Арруба был серым, точно пепел.

Интермедия 1

Из записок Педро Санчо,

секретаря и хрониста экспедиции

Мы достигли этой страны в год 1532 от рождения Господа нашего Иисуса Христа – да будет Он нам опорой и защитой! Мы спустились с гор, и там была красивая плодородная долина в несколько миль шириной, так что после тяжких странствий среди скал и камней мнилась она чертогом небесным. Многие из нас подумали, что вся страна такова, и возрадовались в душе своей; тогда мы еще не знали, что эти края совсем не походят на Старую и Новую Испанию и на те большие острова, что были первыми открыты в Новом Свете. Страна эта тянется между Мар-дель-Сур, Южным морем, и огромными неприступными горами на тысячи миль, и большей частью она неприветлива и бесплодна, населена враждебными племенами, и мало в ней деревьев, злаков, трав и иных плодов земли, зато много камня, много скалистых гор, теснин, пропастей и ущелий. А еще много золота, что искупало в наших глазах и сердцах все другие ее недостатки.

Вслед за генерал-капитаном мы спустились в долину. Нас было сто шестьдесят восемь человек, все в доспехах, с добрыми толедскими клинками, с аркебузами и фальконетами, и часть войска шла пешком, а часть ехала на лошадях, которых удалось сберечь по дороге через горы. Все эти люди были опытными закаленными воинами, сражавшимися с дикарями на островах, и в Новой Испании, и в Панаме, и в иных местах. Что до генерал-капитана, а в будущем – маркиза и нашего губернатора, то исполнилось ему уже больше пятидесяти, но отличался он телесной крепостью, умом и властным нравом. Поговаривали, что он не родовит, что был он в прошлом бедным конюхом и, достигнув звания своего, так и не выучился читать и писать. Возможно, есть истина в тех разговорах и тайных шепотах, но генерал-капитан провел в Новом Свете тридцать лет, жил на островах и во многих землях континента, предводительствовал многими походами и умел усмирять дикарей и править своими людьми. Никто не ставил под сомнение его власть – никто, кроме...

* * *

Из свидетельств Педро Катаньо, участника экспедиции

Дикари ужаснулись при звуках стрельбы, а еще более их напугали всадники, ибо лошадей они не видели никогда. И вот на площади и за ее пределами началась ужасная бойня; воины местного владыки, устранившись, не оказывали сопротивления, а думали лишь о том, как убежать и спасти свою жизнь. Но ворота в стене были слишком узкими, и потому они не могли убежать все разом, и те из них, две или три тысячи, что находились далее всех, бросились к стене и частью свалили ее, обрушив камни себе на головы. Этот пролом был шириною в десять шагов, а стена, низвергнутая толпой бегущих, была в человеческий рост и весьма толстой. За стеной лежала равнина, и дикари хлынули туда, а наши всадники преследовали их и рубили сотнями. Пешие солдаты, оставшиеся на площади, расправлялись с дикарями так быстро, что в скором времени все они были преданы мечу.

Всадники, мчавшиеся по равнине, кричали: «Бейте их, колите копьями! Не давайте никому скрыться!» Когда отряды, стоявшие на равнине за городскими пределами, увидели толпу бегущих в ужасе людей, они тоже дрогнули и пустились в бегство. Вся долина была заполнена их воинством, и многие из них были убиты. Уже спустилась ночь, а всадники скакали и скакали тут и там, пронзая дикарей мечами и копьями. В тот день полегло шесть или семь тысяч воинов владыки, а у многих были отсечены рука или нога или нанесены другие раны. Если бы не страх перед лошадьми и грохотом аркебуз, эти люди могли бы задавить нас числом, но они не сражались, они бежали, как кролики, преследуемые волком. Мы избивали беззащитных.

Наконец трубач сыграл отбой, мы вернулись в лагерь, оставили лошадей и копья и пошли к генерал-капитану, чтобы поздравить его со славной победой. Никто из нас не расстался с жизнью, и раненых меж нами тоже не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.